

Интервью заместителя председателя ОВЦС игумена Филиппа (Рябых) журналу "Фома" (№2/82, февраль 2010 года)

Журналист «Фомы» Алексей Соколов беседует с игуменом Филиппом (Рябых), заместителем председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Поверх границ

— Отец Филипп, если посмотреть на все, что было сказано и написано людьми Церкви о концепции Русского мира (а сказано и написано, особенно в последнее время, довольно много), становится очевидным, что Церковь сформировала весьма четкую позицию по этой проблеме. Позвольте тогда начать с простого вопроса: зачем это было необходимо? Почему Церковь взялась за данную проблему, потратила на нее немалые силы, но не уступила ее светским мыслителям?

— Концепция Русского мира развивается в Русской Церкви не в результате внешнего политического воздействия. Для ее формирования у Церкви есть собственные причины, связанные с организацией ее внутренней жизни.

Церковное устройство всегда имело определенное географическое измерение. В православной традиции действует принцип поместности. Православный мир — это семья Поместных Церквей, независимых друг от друга в административном управлении и имеющих свои особые традиции. Каждая самостоятельная церковная общность на определенном географическом пространстве — Поместная Церковь — формируется под воздействием множества факторов. Это и тяготение к авторитетному духовному центру или центрам, общность святынь, общая история становления и развития церковной жизни и многое другое. Одним словом, в Поместной Церкви создается специфическое духовно-культурное единство, которое не противоречит православным догматам и канонам, но которое имеет отличия от таких же духовно-культурных общностей других Поместных Церквей.

В начале 90-х годов, после распада единого государства, перед Русской Православной Церковью встал вопрос: а нужно ли в новых политических реалиях сохранять церковное единство? Может, практичнее было бы разделиться по линиям новых государственных границ?

История знает разные формы существования православных общин: были Поместные Церкви, охватывавшие несколько разных стран; были страны, территория которых была разделена между несколькими Поместными Церквями... Каждый раз ситуация зависела от конкретных потребностей церковной жизни, от духовного состояния общества.

Ответом на вопрос о том, почему надо сохранять церковное единство на пространстве новых независимых государств и диаспоры в дальнем зарубежье, и стала идея, которую мы называем сегодня идеей Русского мира. По сути, она отвечает на вопрос: что сегодня объединяет людей на пространстве исторической Руси после того, как на этой территории исчезло последнее единое государство — Советский Союз. Ведь очевидно, что цивилизационное единство не распалось, в то время как единству политическому, несомненно, пришел конец. Кроме того, важно — хотим ли мы это общее сохранить и как оно может нам помочь в будущем?

Как известно, сегодня различные части Московского Патриархата имеют разные формы административной и канонической связи с церковным центром. Однако при этом Церковь сохраняется как одно целое. Люди могут быть гражданами разных государств, могут говорить на разных языках, принадлежать к разным этническим и национальным культурам. Но, несмотря на все эти «земные» различия, их объединяет общая духовно-культурная традиция, которую поделить невозможно, в отличие от того, как поделили с распадом СССР его бывшее имущество. Скажите православному украинцу, что преподобные Серафим Саровский и Сергей Радонежский не имеют никакого отношения к его духовной традиции. Или скажите православному москвичу, что с его традицией никак не связаны святые Киево-Печерской лавры, что отныне они святые «другой Церкви». Разрезать духовное пространство невозможно, да и культурное тоже. В конце концов, автор словаря великорусского языка Даль родился в Малороссии, под Луганском.

Духовные, культурные связи продолжают жить поверх политических и экономических барьеров. Частью Русского мира являются люди, носители культуры, и неважно, живут ли они в традиционных странах восточнославянской цивилизации — Белоруссии, России, Украине или же пребывают в рассеянии. Это, кстати, тоже весьма важный фактор: Русский мир — то, что связывает сегодня наши нации с рассеянными группами людей, с диаспорами, проживающими в других частях света и нередко стремящимися к большей близости друг к другу, чем мы, живущие у себя на родине.

Но еще более важно, что духовные и культурные связи не уходят в прошлое вместе с государствами и прочими национальными образованиями, а продолжают оставаться живой реальностью сегодняшнего дня. Речь не о музейных экспонатах, а о том, что здесь и сейчас формирует нашу духовную жизнь, укрепляет нас в вере и способствует нашему спасению, а также открывает нам перспективы для будущего общественного развития.

Интересы смыкаются

— Вы затронули тему не только духовного, но и культурного единства. Очевидно, что для Церкви духовное пространство, пространство веры и ее опыта важнее всего. Но тогда получается, что Русский мир нужен только воцерковленным православным людям. Но, насколько я понимаю, его концепция вовсе не исчерпывается церковной проблематикой.

— Да, разумеется. Я сказал, что отправная точка — вопрос о церковном единстве, но теперь давайте посмотрим, что из этого следует. Начну с того, что всякая церковная жизнь существует не в каком-то безвоздушном пространстве — она строится на основе той или иной культуры и, в свою очередь, сама создает культуру, образ жизни и общественное устройство. Как человеческая душа выражается посредством тела и материальных средств, так и Церковь созидает свою жизнь не только в сфере духа, но и в материальном мире.

Например, церковная жизнь Византии воплощалась в формах античной культуры, церковная жизнь Киевской Руси — в формах как исходной славянской культуры, так и привнесенной византийской. Церковь говорит о вечном и призывает к спасению в вечности — но говорит она об этом языком, понятным людям, то есть языком конкретной культуры. Отсюда вытекают признание ценности культуры и стремление ее сохранить. Поэтому идея Русского мира предполагает сохранение и развитие тех культурных достижений, которые являются общими для разных народов, окормляющихся Русской Православной Церковью. При таком понимании Русского мира мы уходим от узкоэтнического восприятия и самой Русской Церкви. В этом свете Русская Церковь является Церковью многонационального Русского мира, а не русского этноса.

И вот здесь смыкаются интересы Церкви и неверующих людей, дорожащих своей культурой. Это огромное поле для совместной деятельности. Да, конечные цели тут у верующих и неверующих различаются. Для нас культура — это среда, необходимая для проповеди Христа, для них — самодостаточная ценность. Однако то, что мы, руководствуясь каждый своими целями, хотим сохранить, — у нас общее. Конечно, есть одна оговорка — мы не можем поддерживать в культуре то, что противоречит христианству.

Наша Церковь готова сотрудничать со всеми, кому дорога культура и культуры Русского мира — независимо от их национальности, гражданства, отношения к религии. Да, мы надеемся, что в процессе такого сотрудничества кто-то, ранее безразличный к Православию, может заинтересоваться духовными вопросами и в итоге воцерковиться. Но мы не ставим это непременным условием сотрудничества. Русский мир открыт для всех, кому он дорог.

— Хотелось бы в связи с этим задать вопрос, который обязательно возникнет, да и уже возникал у многих: а как же всемирное единство христиан, в котором, по словам апостола, «нет ни эллина, ни иудея»? Как оно соотносится с тем, что христиане начинают проповедовать Русский мир как нечто отдельное?

— Мне кажется, что противопоставление Русского мира и Вселенского Православия искусственно. Русский мир — это часть православного мира. Это соответствует православному принципу поместности в организации церковной жизни, о чем мною было сказано ранее.

Отрицать некую специфичность культуры того или иного народа — означает отрицать вообще понятие личности в христианстве. Согласно этому взгляду выходит, что, перестав говорить об особенностях различных национальных общин, нужно перестать говорить и о личных особенностях конкретных людей, их составляющих, потому что это опять же будет разговор о

какой-то индивидуальности. По сути, это совершенно нехристианский подход. Свободная личность — важнейшее христианское понятие. Поэтому и для каждой Поместной Церкви важно не отрицать культуру народов, за окормление которых она ответственна, а пытаться наполнить ее христианским содержанием, сделать так, чтобы она стала, подобно кусочку мозаики, элементом единого и в то же время разнообразного христианского мира.

К слову сказать, для Русской Церкви, как Церкви изначально многонациональной, этот фактор всегда играл особую роль — на данную тему много рассуждал еще Достоевский, говоривший о вселенскости, универсальности русской культуры... И более того, я уверен, что примитивный национализм с его идеей единства не на духовной, а на генетической основе, с его призывами к изоляции — противен идее Русского мира в христианском ее понимании.

Христианская глобализация

— Тем не менее, национализм в подобном его понимании уже делает попытки «оседлать» идею единства восточнославянских народов, предложив свое видение...

— И это еще одна причина, по которой Церковь не может молчать, а должна спешить проповедовать христианское отношение к национальному вопросу. Это становится важным уже и для конкретных государств Русского мира, потому что (я в этом уверен!) и для них, и в первую очередь для многонациональной России, Украины или Казахстана национализм в его примитивном понимании, когда во главу угла ставят генетический фактор и идею изоляционизма, губителен. Он может просто уничтожить каждую из этих стран изнутри.

— Получается, что концепция Русского мира — часть некоего альтернативного варианта «христианской глобализации». Глобалистов вполне справедливо упрекают в том, что платой за вхождение в единый глобальный мир является отказ от всякой самобытности. Здесь же речь о некоей альтернативе — о попытке построить единство, не заставляя его участников укладываться в безликие стандарты.

— Мне кажется, что в современном мире в принципе может быть успешным лишь тот, кто не станет укладывать других в свое «прокрустово ложе». Сегодня концепция лидерства может быть только такой: тот, кто ведет других за собой, не должен никого принуждать к этому силой.

А вести таким образом за собой может в первую очередь любовь, потому что, как писал святой Фотий Константинопольский, любовь подобна магниту. И здесь опять мы видим миссию Церкви, потому что именно она должна сегодня призывать общественных деятелей и политиков не командовать другими, не пытаться подмять друг друга под себя, но выстроить отношения на совершенно ином, христианском, уровне. К сожалению, сегодня элиты наших стран не осознают этого, ищут другие пути и средства.

— Безусловно, Русский мир — это объединяющий проект, но ведь существуют и другие

объединяющие проекты. Мы еще помним коммунистический проект с его пафосом создания единого «советского народа» из множества населявших СССР народов. А сейчас в постсоветских государствах действуют иные проекты, чаще националистические, стремящиеся объединить людей в «борьбе против», причем это в какой-то мере касается и нашей страны. Неудивительно, что и Русский мир в сознании многих проецируется на ту же плоскость. Его тоже воспринимают как некую надуманную концепцию, специально сочиненную для того, чтобы создать стержень для единства народов бывшего Союза...

— Это совершенно не так. Вы правы в том, что сейчас на пространстве исторической Руси действительно идет поиск идентичности, смысла существования, направления дальнейшего развития. И надо сказать, что нередко политические элиты новых стран думают, будто поиск национальной идеи — это чисто технологическая задача. Достаточно, мол, собрать умных людей, которые эту идею придумают, а затем, используя современные пропагандистские технологии, внедрить ее в массы, убедить всех, что в истории все было не так, а эдак, немного соврать, подтасовать, перевернуть — и в итоге все поверят.

Это очень опасное заблуждение. Вспомним, что в прошлом веке были режимы, которые делали очень серьезную ставку на пропаганду — но все они в итоге проиграли, потому что невозможно обмануть всех и невозможно обмануть надолго. Даже если сделать людей безграмотными, перекрыть им доступ к историческим источникам, к альтернативным мнениям — все равно это кончится крахом. Потому что у человека есть внутренний стержень совести, который опознает, что есть правда, а что неправда. В конечном счете правда прорывается наружу, и тогда происходит переворот, в том числе и в сознании.

В отличие от всех таких манипуляторов, Церковь не опирается на химеры, не выдумывает каких-то новых, приспособленных к текущему моменту идеологем, а, напротив, строит свое осознание происходящего на том, что уже существует в действительности. Мы не пытаемся предложить новую модель, которую затем нужно будет внедрять в жизнь, — мы лишь даем оценку состоянию культурных и человеческих связей, существующих ныне на пространстве исторической Руси. Связей, которые имеют ценность и могут быть основой процветания всех государств Русского мира.